

3. Н. НУРИЕВ

О Н. С. Хрущеве

«Фрагменты»

В середине августа 1964 года в специальном правительственном поезде в Башкирию приехал Н. С. Хрущев. Ехал он к нам через Татарию. Приехал к нам во второй половине дня с отклонением от ранее согласованного графика. Мы встречали руководителя партии и правительства страны на станции Туймазы. По пути в город Октябрьский он попросил меня показать поля местного совхоза. Осмотрел кукурузные, пшеничные и ржаные поля, увиденным остался очень доволен. Показ полей в наш план не входил, но как руководитель, уделяющий много времени сельскохозяйственным проблемам, он не мог прокочить мимо полей, тем более кукурузных.

После осмотра полей мы направились в Октябрьский. Там нас ждали руководители Волго-Уральского нефтяного региона. Местом проведения совещания нефтяников Хрущев избрал Октябрьский потому, что здешнее месторождение тогда было центром внедрения новых технологий в нефтедобывающей промышленности страны. По приезде в город Хрущев решил побывать у «бабушки» — скважины, положившей начало добыче нефти из девонского пласта подземной залежи. Несмотря на многолетнюю эксплуатацию, «бабушка» все еще оставалась в рабочем состоянии. У скважины нас ждала буровая бригада во главе с мастером Героем Социалистического Труда Д. Михайловым. После душевного разговора Хрущев пожелал бригаде добиться еще более ощутимых результатов в борьбе за «черное золото» и тепло попрощался с ней.

Для посещения других бригад и осмотра самого города у нас уже времени не осталось. Поехали в Дом техники нефтяников. Коллектив Дома техники тогда вел большую работу по внедрению новых технологий в нефтедобыче. На здешних промыслах эффективно использовали метод законтурного и внутриконтурного заводнения

нефтеносного пласта. При бурении скважин применялся электробур, считавшийся в то время самым производительным буровым инструментом. Нефтяники США купили у нас лицензию, чтобы производить электробуры у себя.

Открыть совещание на правах хозяина Н. С. Хрущев поручил мне. Совещание началось с некоторым опозданием из-за позднего его приезда в Башкирию.

На совещании Хрущев решил сначала заслушать председателя Средневолжского совнархоза А. Шмарева. Этот опытный нефтяник, раньше продолжительное время проработавший в Башкирии на Ишимбайском нефтяном месторождении, сделал очень содержательный доклад. Доклад Хрущеву понравился. Вопросами он докладчика не перебивал.

От Башкирии на совещании выступил начальник объединения «Башнефть» К. Коваленко. В своем выступлении главное внимание он уделил повышению нефтеотдачи пласта, внедрению прогрессивных методов нефтедобычи. После Коваленко выступили руководители нефтяных управлений из Пермской, Оренбургской, Тюменской областей и Удмуртской АССР.

Совещание затянулось до глубокой ночи. В ходе совещания ко мне подошел генерал Литовченко — начальник личной охраны Хрущева и сказал на ухо, что на площади перед Домом техники собрались жители города, площадь полностью заполнена, народу очень много, примерно 5 тысяч человек. Народ просит, чтобы руководитель страны вышел на балкон и выступил перед ним. Учитывая неприятные факты, имевшие место при встречах Хрущева с населением в городах Куйбышеве¹ и Свердловске, я попросил генерала пока ничего ему не говорить.

Я торопил Хрущева закруглить совещание, намекая на позднее время, боялся, как бы там, на площади, не началась «ходынка». Машина, на которой мы приехали в Октябрьский, стояла у парадного входа Дома техники. Выход Хрущева к машине после совещания мог вызвать в толпе давку с тяжелыми последствиями. Я попросил Литовченко и Г. А. Нагорного, председателя нашего республиканского комитета госбезопасности, перегнать машину к запасному входу. Через некоторое время они сообщили, что машину перегнали. Успокоившись, я стал внимательно слушать подытоживающее выступление Хрущева. Оно продолжалось более часа.

В своем выступлении необходимость увеличения добычи нефти Хрущев связал с необходимостью использования ее не только как сырья для выработки моторного топлива и мазута для электроэнергетики, но и как сырья для развития нефтехимической про-

мышленности. Он подчеркнул, что американцы и японцы уже давно нефтегазовое сырье используют для выработки полиэтилена, полипропилена, жирозаменителей, технического спирта и многих других видов промышленной продукции.

— Мы только начинаем развертывать нефтехимическую промышленность, — говорил он. — Эту отрасль промышленности будем развивать очень высокими темпами. Башкирия в скором времени станет центром большой нефтехимической промышленности. Нефтегазового сырья нам потребуется много.

Хрущев высоко оценил работу нефтяников и пожелал им достижения новых успехов в работе.

Когда мы с Хрущевым уехали, направляясь на станцию Туймазы, секретарь Октябрьского горкома КПСС М. В. Афридонов сообщил собравшимся на площади горожанам, что Никита Сергеевич уехал в Туймазы, поскольку ему к утру надо быть в Уфе, и что Никита Сергеевич просил передать всем пожелания крепкого здоровья, счастья и всяческого благополучия в жизни. После сообщения Афридона народ стал постепенно расходиться по домам. Генерал Г. А. Нагорный доложил мне, что с людьми ничего не случилось, никто от давки не пострадал, правда, на площади оставалось несколько калош. В наших местах женщины пожилого возраста и летом любят носить калоши поверх шерстяных носков.

Из Октябрьского мы выехали не по той улице, по которой въехали в город, а по другой. Когда приехали в Туймазы, Хрущев мне сказал:

— Вы хорошо ориентируетесь наочной дороге. Как это вам удается?

— Никита Сергеевич, я же местный, за долгие годы работы в обкоме партии в этих местах я много раз бывал. Много раз побывал и в городе, — ответил я.

Поздно ночью поезд Хрущева тронулся в сторону Уфы. Мы с Л. Н. Ефремовым и В. И. Поляковым разместились в одном вагоне. Хрущев расположился отдельно от нас в своем салон-вагоне. Л. Н. Ефремов тогда работал его заместителем в бюро ЦК КПСС по РСФСР, В. И. Поляков — секретарем ЦК КПСС и редактором газеты «Сельская жизнь». Через некоторое время к нам зашел генерал Литовченко и сказал, что Никита Сергеевич приглашает всех нас к себе.

Мы перешли в вагон Хрущева.

— Давайте уточним программу пребывания в Уфе, — сказал он сразу.

Я изложил программу его пребывания в Уфе.

— Прибытие поезда на станцию Уфа намечено на 10 часов утра по местному времени. На привокзальной площади будет встреча с горожанами. Предусмотрено посещение крупнейшего в стране завода, который из попутного нефтяного и природного газа производит технический синтетический спирт. После посещения завода — встреча с партийно-хозяйственным активом республики. После этого в Вашей резиденции в Вашу честь будет дан обед. Выезд из Уфы в Казахстан намечен на вечер.

С программой Хрущев согласился и никаких изменений не внес. Для того, чтобы поезд прибыл в Уфу утром, я попросил Никиту Сергеевича остановить его на разъезде Алкино², где расположен военный городок, служивший в годы Великой Отечественной базой для формирования воинских подразделений перед отправкой на фронт.

— Переночевав у себя в салон-вагоне, утром до отъезда в Уфу успеете погулять, — сказал я. — Местность здесь очень красивая. Я Вас буду встречать в Уфе.

Хрущев с этим тоже согласился. После согласования программы, несмотря на поздний час, он пригласил нас перекусить. В Октябрьском у нас не было времени для ужина, поэтому приглашение мы охотно приняли.

По прибытии поезда на разъезд Алкино я, попрощавшись с Хрущевым и его спутниками, на машине уехал в Уфу.

В соответствии с программой, поезд прибыл на станцию Уфа в 10 часов утра. На привокзальной площади состоялась встреча Н. С. Хрущева с уфимцами. Народу на встрече было много. Уфимцы встретили руководителя партии и страны тепло, дружелюбно. Хлеб и соль Никите Сергеевичу преподнес старый большевик Юрьев, который в первые годы после победы Октябрьской социалистической революции работал секретарем Топорниковой волостной организации ВКП(б). Юрьев обнял Хрущева, и по русскому обычаю они троекратно поцеловались.

Затем Хрущев выступил с краткой речью перед уфимцами. После окончания митинга на машине Хрущева, которая была заранее пригнана на привокзальную площадь, мы с ним поехали в промышленную зону города. В машине вместе с нами был и Председатель Совета Министров республики З. Ш. Акназаров. Уфа находится на своего рода высоком полуострове, который омывают река Белая с ее двумя притоками — Уфой и Демой. На этом полуострове город вытянулся более чем на 60 километров. Из города по суше, то есть не переправляясь через реку, можно выезжать только в северо-восточном направлении. Ехали мы на открытой машине. Хотя моросил дождь, Хрущев не разрешил поднять тент.

Мы ехали медленно, на улицах с обеих сторон дороги плотными цепочками стояли приветствующие Хрущева уфимцы.

По пути следования Хрущев обратил внимание на большое, выделяющееся среди других здание. На фронтоне его главного входа позолоченными крупными буквами было написано: «Башкирский сельскохозяйственный институт». Прочитав надпись, Хрущев проворчал:

— И вы не избежали строительства сельскохозяйственного института в центре города!³

В ответ я сказал:

— Никита Сергеевич, когда мы строили этот институт, города здесь еще не было, здесь была деревня Глумилино. Земля, на которой сейчас стоят корпуса института, принадлежала этой деревне. За последние годы Уфа сильно разрослась, из-за чего институт оказался в центре города. Но мы решили не переносить институт в другое место потому, что его учебная база находится рядом, прямо за рекой Белой, в 5–6 километрах отсюда. База института очень богатая, она была создана еще в довоенное время.

Больше этой темы Хрущев не касался. По дороге я ему подробно рассказывал, как за последние годы разрослась Уфа, почему город растянулся на 60 километров. Город наш, поскольку он расположен на полуострове, мог расти лишь в этом северо-восточном направлении, и Уфа в конце концов соединилась с молодым промышленным городом Черниковским. Все крупные нефтеперерабатывающие предприятия, предприятия химической и нефтехимической промышленности расположены в северной части в некотором отрыве от основного жилого массива. В силу этих причин наш город так вот «кишкой» растянулся вдоль Белой. Хотя отдаленность жилого массива от промышленных предприятий создала транспортные проблемы, в экологическом отношении она выгодна. Моим объяснением причин растянутости Уфы Хрущев удовлетворился и сказал, что расстояние до заводов можно преодолеть на автобусах или троллейбусах, но свежий воздух в город никаким транспортом не завезешь.

Пользуясь моментом, я попросил его разрешить нам, учитывая специфические транспортные условия, внести в правительство СССР предложение о строительстве в Уфе метрополитена. Просьбу он поддержал. Не откладывая дело в долгий ящик, мы вскоре подготовили проект постановления с экономическим обоснованием необходимости строительства метро в Уфе и внесли его в Совет Министров СССР. Проектирование строительства было поручено «Мостранспроекту». Начало строительства метро намечалось на 70-е годы. В 1969 году я был переведен на работу в Москву

и непосредственно этим делом уже не занимался. Строительство метро в столице Башкортостана все еще не начато...

На полпути к заводу синтетического спирта, куда мы направлялись, пошел косой дождь. Хрущев сказал:

— Вы, наверное, сильно промокли, может, следует поднять тент?

По совести, это должен был бы первым предложить я, но постыдился говорить об этом. Машину остановили на мосту при переезде через железную дорогу, подняли тент и поехали дальше.

На заводе Хрущев побывал в нескольких цехах, побеседовал с рабочими и специалистами завода. Завод из попутного нефтяного и природного газа производил синтетический спирт. В то время это был один из самых крупных заводов Министерства нефтехимической промышленности СССР. Для производства такого количества спирта, который производил завод из газа, понадобилось было много тысяч тонн зерна. Подробно о работе завода докладывал его директор А. Б. Петров. Доклад Хрущеву понравился. Будучи инициатором создания нефтехимической промышленности в стране, он на конкретном примере убедился в правильности своей инициативы.

В середине 60-х годов по предложению Хрущева в ЦК КПСС была создана комиссия по химической промышленности. Председателем комиссии стал сам Хрущев. Я тоже был включен в состав этой комиссии⁴. Участие в ее работе я использовал в интересах республики.

На базе использования местного нефтегазового сырья в эти годы у нас в республике были созданы крупнотоннажные нефтехимические предприятия. На импортном оборудовании построили два завода для производства полиэтилена в Уфе и Салавате, завод синтетического каучука, крупный химический комбинат в Стерлитамаке. В эти же годы в Салавате и Мелеузе вступили в строй заводы по производству минеральных удобрений. Получила мощное развитие нефтепереработка. На трех уфимских заводах и на Салаватском нефтехимическом комбинате тогда перерабатывалось более 50 млн. тонн нефти в год. В конце 60-х годов Башкирия стала мощным центром нефтепереработки, химии и нефтехимии.

Мы этими достижениями гордились. Однако следует отметить, что Госплан СССР, соответствующие министерства, заботясь о развитии промышленности, мало выделяли средств для охраны окружающей среды. Население Уфы, Стерлитамака и Салавата своевременно не было защищено от загрязнения атмосферного воздуха этими предприятиями. Принимаемые сейчас в Республике Башкортостан Президентом М. Г. Рахимовым меры по улучшению

состояния окружающей среды, заслуживают всяческой поддержки со стороны правительства России...

После осмотра завода мы вернулись в резиденцию Хрущева близ бывшей деревни Глумилино. В резиденции нас ждали члены бюро обкома партии, члены правительства республики, руководители крупных предприятий Уфы, Стерлитамака, Салавата и других городов Башкирии.

Совещание началось с доклада председателя Башкирского совнархоза С. И. Кувыкина. Свой доклад Кувыкин посвятил тогдашнему состоянию и перспективам развития промышленности республики. После него с информацией выступали директора заводов. Хрущев особенно заинтересовался информацией директора Стерлитамакского завода синтетического каучука Н. Я. Еременко. Завод в то время начал осваивать производство изопренового каучука, не уступавшего по свойствам натуральному каучуку.

Стерлитамакский завод начал производить изопреновый каучук первым в стране. Обращаясь ко мне, Хрущев сказал:

— Вы этот вопрос на комиссии подняли правильно и своевременно. Теперь страна уйдет от былой большой зависимости, связанной с завозом каучука по импорту. Импорт очень дорого обходится государству.

Похвалив заводчан за освоение производства дорогостоящего сырья для резинотехнической промышленности, Хрущев поручил мне подумать о расширении мощностей по производству изопренового каучука.

После рассмотрения вопросов, связанных с дальнейшим развитием промышленности, Хрущев перешел к вопросам сельского хозяйства. Выступить первым по этому вопросу он попросил меня. В течение 20 минут я информировал его о состоянии дел в агропромышленном секторе экономики республики. Сельскохозяйственное производство в то время у нас шло на подъем. Росли урожайность и валовые сборы зерна и других сельскохозяйственных культур, высокими темпами развивалось животноводство, росли поголовье скота и его продуктивность. Мой доклад Хрущев слушал внимательно, вопреки своему обычаю — без реплик и вопросов. Видно было, что он еще до приезда в республику был детально ознакомлен с положением дел в нашем сельском хозяйстве. После моего выступления его помощник А. Шевченко кинул:

— Вы знаете, Никита Сергеевич, более 800 тысяч гектаров пашни в Башкирии гуляет под парами.

Андрей Шевченко специально подбросил этот вопрос для того, чтобы вызвать у шефа недовольство нашими делами в сельском хозяйстве. Я не отреагировал на слова Шевченко, не хотел всту-

пать в спор с ним, зная крайне отрицательное отношение Хрущева к парам. Обращаясь ко мне, Хрущев сказал:

— Что вы молчите? Он же вас критикует за бесхозяйственное использование пашни.

— Никита Сергеевич, на этот вопрос, мне думается, должен ответить наш министр сельского хозяйства Александр Павлович Веретенников, — отозвался я. — Он у нас опытный специалист, еще в старое время окончил сельскохозяйственный институт, по специальности — фитопатолог, но агротехнику возделывания сельскохозяйственных культур знает хорошо. В наших Зауральских, южных и западных районах он рекомендует колхозам и совхозам возделывать озимые культуры только по чистым парам. Мы его рекомендацию поддерживаем. Сохраняя чистые пары, республика не снижает валовые сборы зерна, а наоборот — из года в год увеличивает.

После моих слов Веретенников подробно обосновал необходимость сохранения в севообороте чистых паров в этих зонах республики. Хрущев обратился к своим спутникам А. Шевченко, Л. Ефимову и В. Полякову.

— Какие у вас есть претензии к республике кроме чистых паров? Республика наращивает производство зерна и других культур, аккуратно выполняет планы продажи государству сельскохозяйственных продуктов. Каким путем она этого добивается — это дело самой республики. Надо перестать командовать.

Из этой реплики Хрущева вытекало, что он не вообще против чистых паров, а стоит за увеличение производства зерна, каким способом — пусть решают сами хозяйства.

После разбора положения в сельском хозяйстве республики он обратился к участникам совещания:

— Ну, давайте говорите, какие ко мне есть вопросы.

Первым с вопросом к Хрущеву обратился директор Стерлитамакского содово-цементного комбината В. Е. Корнеев. Он спросил:

— Никита Сергеевич! Почему вы у нас, у директоров предприятий, отняли персональные легковые служебные машины?⁵ Вот я, директор комбината, который производит более 3 миллионов тонн соды в год, больше, чем вся Англия, на это совещание приехал на грузовой машине. По-моему, это никуда не годится!

— Тут мы, наверное, перегнули палку, — ответил Хрущев, — у директоров крупных комбинатов не следовало бы отнимать служебные легковые машины. Надо было дифференцированно подходить к этому вопросу. Одно дело такой комбинат, как у Корнеева, другое дело — компактный маленький завод в центре города, где и пешком можно походить или городским транспортом

воспользоваться. — Обращаясь ко мне, он добавил: — Давайте персонально разберитесь с каждым заводом в отдельности, в отношении крупных заводов надо дело поправить.

Много было задано Хрущеву вопросов и другими участниками совещания. На многие вопросы он тут же отвечал, более сложные, требующие серьезного разбора, поручал свои спутникам взять на заметку для рассмотрения в Москве. Совещание продолжалось более двух часов. По окончании совещания здесь же в резиденции мы дали в честь руководителя партии и страны обед, на котором кроме сопровождавших его лиц — командующего Приволжским военным округом генерала Ляшко, председателя Средневолжского совнархоза Шмарева и москвичей — присутствовали все члены бюро обкома партии и заместители председателя правительства Башкирии.

Тамадой был З. Ш. Акназаров. Обязанности тамады он выполнял аккуратно, как всегда, с шутками и прибаутками. После моего тоста в честь Никиты Сергеевича, который всеми участниками обеда был дружно поддержан, тост произнес Хрущев. Он сказал:

— Давайте поднимем бокалы за боевую башкирскую парторганизацию, за трудолюбивый башкирский народ, за процветание Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики!

Слова эти, естественно, были встречены аплодисментами. После Хрущева тост за дальнейшее укрепление дружбы народов СССР предложил Председатель Президиума Верховного Совета республики Ф. В. Султанов. Затем Акназаров попросил официанта вновь наполнить бокалы. Обращаясь к Акназарову, Хрущев спросил:

— Сколько вам лет? — получив ответ, продолжал: — А мне уже за семьдесят. Так что мне коньяка больше не наливайте. Сейчас неплохо было бы выпить вашего знаменитого богатырского напитка — кумыса.

Выпив фужер кумыса, он сказал:

— Действительно хороший напиток. О нем мне как-то рассказывал академик Александр Александрович Богомолец, он во время войны со всей Украинской академией наук находился здесь у вас в Уфе.

После кумыса на стол подали горячие башкирские беляши. В это время к Хрущеву подходит его лечащий врач и говорит:

— Никита Сергеевич, вам не следовало бы кушать беляши. Они, конечно, очень вкусные, но жирные.

— Что вы! Побывать в Башкирии да не поесть беляшей! — возразил Хрущев. — Для меня это было бы непростительно!

Он с большим аппетитом съел пару беляшей и похвалил нашего шеф-повара Петрова.

За столом мы с ним сидели рядом. Хрущев негромко спросил у меня:

— Не знаете, Маленков не казах?

Я ответил, что нет, он чисто русский, его отец в оренбургской тюрьме служил надзирателем, оренбуржцы его предков знают очень хорошо.

— Я потому спросил, что он лицом похож на казаха, — пояснил Хрущев. — К тому же, когда мы у него бывали в гостях, на стол подавали вот такие же беляши и другие восточные кушанья.

После прогулки по парку мы поехали на вокзал. При спуске на вокзал некоторые горожане ему лично в руки вручали письма, запечатанные в конверты. Не раскрывая, он передал их мне. Я понял, что этим он показал доверие ко мне, и пообещал, что высказанные в письмах просьбы будут рассмотрены и ответы просителям будут даны.

Перед посадкой в вагон Хрущев выразил свое удовлетворение, поблагодарил за радушный прием, оказанный ему населением республики. Он заметил, что республика ему понравилась, особенно люди, с которыми он встречался и разговаривал.

— С таким народом, — сказал он, — я думаю, республика добьется еще немало успехов в развитии своей экономики и культуры. Человек, раз побывавший в Башкирии, непременно захочет вернуться сюда еще раз. — И добавил: — Я твердо верю, что к вам я еще раз обязательно приеду.

Стоя в тамбуре вагона, он, пока поезд не тронулся, продолжал разговаривать и шутить с нами.

Министр сельского хозяйства А. П. Веретенников обратился к Хрущеву с просьбой оставлять гербициды, произведенные сверх плана, в распоряжении республики. Хрущев в ответ спросил:

— Товарищ министр, у вас в Башкирии случайно касторовое масло не производится? Я бы мог дать «доброе» на то, чтобы произведенную сверх плана касторку оставлять здесь, в республике. — Находчивый ответ Хрущева рассмешил нас. Он тоже рассмеялся. Потом сказал:

— Если все области и республики будут просить произведенную сверх плана продукцию оставлять у себя, то что же у нас с вами получится с дружбой народов и взаимовыручкой? Нет, мы не будем так поступать. Что производится у вас или в другом регионе — это достояние всего нашего государства. Исходя из целесообразности и общегосударственных интересов, мы всю плановую и сверхплановую промышленную продукцию будем использовать в соответствии с планами материально-технического обеспечения нужд всех краев, областей и республик. Принцип

«оставления на местах» сверхплановой продукции пока решили сохранить только на продукты животноводства. Сконцентрировав все материально-технические ресурсы в руках государства, разумно используя их, мы победили немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. Благодаря этому мы за короткое время без всякой помощи извне восстановили разрушенное войной народное хозяйство страны. На второй год после войны смогли отменить карточную систему на продукты питания⁶. Так вот не на словах, а практическими делами будем укреплять дружбу народов нашей страны, будем выручать друг друга, в этом наша сила, в этом состоит мощь нашего государства.

Вскоре был дан сигнал к отходу поезда. Прощаясь с нами, Хрущев повторил, что непременно еще раз приедет к нам. От нас он уехал в Казахстан, посмотреть на целину, на выращенную там высококачественную пшеницу.

В пути поезд Хрущева остановился на станции Кропачево в Челябинской области. Как мне потом рассказывал первый секретарь Салаватского райкома партии М. К. Сабитов, встречавшие там Хрущева люди обратились к нему с просьбой помочь им с куревом. Он ответил:

— Зачем курите? Вот я не курю и неплохо себя чувствую.

Его ответ курильщикам, конечно, не понравился, они настойчиво требовали помочь в поставке в Челябинскую область сигарет и папирос. Приехавшие на вывоз зерна из колхозов на элеваторы шоферы жаловались на плохое состояние шоссейных дорог в области, говорили ему, что по этим дорогам трудно ездить, из-за тряски теряется много зерна. Хрущев сказал:

— Я вот был в Башкирии, у них дороги хорошие. Не жалуясь никому, они своими силами построили прекрасные шоссейные дороги. Советую руководителям Челябинской области съездить в Башкирию и поучиться тому, как можно и нужно строить шоссейные дороги.

Во время пребывания в Башкирии Никита Сергеевич был в хорошем настроении. Он мне говорил о предстоящем пленуме ЦК, сказал, что на том пленуме выступит с докладом, внесет новые предложения, направленные на дальнейшее развитие сельского хозяйства страны. После возвращения из поездки по стране он вместе с Микояном поехал в Сочи на отдых. Пленум ЦК, на котором решалась судьба Хрущева, состоялся через два месяца после посещения им Башкирии. Некоторые думают, что вопрос о Хрущеве обсуждался сразу на пленуме. Нет, до пленума два дня, 13–14 октября, заседал Президиум ЦК. На заседании председательствовал, как обычно, сам Хрущев. В течение двух дней он слушал критику в свой адрес.

Как мне рассказывал Л. Н. Ефремов, участник заседания Президиума ЦК КПСС, члены Президиума, кроме Микояна, заранее договорились снять Хрущева со всех постов. Это подтверждалось дружной критикой в его адрес. Первым на заседании, так сказать, для затравки, выступил Л. И. Брежnev. Он говорил, что у членов Президиума возникли вопросы, в частности, по поводу совещания, на котором Хрущев выдвинул предложение о составлении плана развития народного хозяйства на десять лет вместо семи, и по поводу разделения обкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные, что противоречило ленинским указаниям, а также в связи с множеством структурных изменений в сельском хозяйстве и в промышленности. «Члены Президиума, — сказал Брежнев, — отмечают, что в решении важных вопросов у нас нет коллективного глубокого анализа. В последнее время в обращении с членами Президиума и другими ответственными работниками вы допускаете грубость и приклеивание ярлыков. Важнейшие государственные вопросы вы, Никита Сергеевич, решаете за обедом, проявляете капризность, нежелание прислушиваться к мнению товарищей из руководства. Учитывая все это, члены Президиума посчитали нужным с вашим участием обсудить положение, которое сложилось в Президиуме. Нам не понятны ваши шаги, ваше поведение. Когда готовился Пленум ЦК, вы уехали с группой товарищей на юг, пишете доклад, готовите материалы и предложения, но мы ничего не знаем об этом, об этих документах. Поэтому мы решили пригласить вас и Микояна приехать с юга для обсуждения возникших вопросов».

Отвечая на критику Брежнева, Хрущев сказал: «Работа у нас идет нормально. Я готовлюсь к пленуму ЦК. У меня отпуск, и я отываю на юге. Зачем потребовались такие действия? Для чего?» Хрущев пытался продолжить свою речь, но из-за стола последовали возгласы: «Вы не спешите со своей речью. Подождите. Послушайте нас, что мы скажем!» Хрущев отвечал: «Пожалуйста, говорите». Затем выступили все члены Президиума в духе полной поддержки критики, высказанной Брежневым. Даже А. И. Микоян критиковал Хрущева за то, что он окружил себя подхалимами, поступил неправильно, разделяя областные комитеты партии. Вместе с тем Микоян высказался за то, чтобы Хрущев остался в руководстве партии.

С особо острой критикой в адрес Хрущева выступил А. Н. Косыгин. Он сразу отверг предложение Микояна оставить Хрущева в руководстве партии. Давно уже было видно, что стиль работы Хрущева не ленинский, заявил Косыгин. Далее он сказал: «Вы противопоставляете себя Президиуму ЦК, вы ни с кем не счита-

етесь, никого не выслушиваете до конца, обрываете. Ваш стиль работы не годится. Вы занимаетесь интриганством. Вы запутали огромное дело с народнохозяйственными планами, заявив, что нельзя выполнить семилетку, а надо разработать новый план на 10 лет. Это вызвало международный скандал, так как наши союзники работают по согласованным с СССР планам. Вы допускаете ошибку в том, что единолично держите в своих руках все вопросы обороны. Члены Совета обороны к работе не привлекаются. Вы, по существу, ликвидировали пленум как орган, который призван контролировать Президиум ЦК. Полностью нарушена ленинская традиция проведения пленумов без аплодисментов. Иногда наши пленумы походят на политический митинг». Косыгин предложил не допускать впредь, чтобы посты первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР занимал один человек, ввести должность второго секретаря ЦК⁷, так как не должно быть вакуума в руководстве деятельностью Центрального Комитета партии. Он предложил также поручить Л. И. Брежневу открыть пленум ЦК, а М. А. Суслову сделать на пленуме сообщение о настоящем заседании и решении Президиума ЦК КПСС.

Подводя итоги обсуждения, Брежnev сказал: «Многие промахи и ошибки в делах — результат неправильных действий и руководства Хрущева... Хрущев не может оставаться в руководстве». Он предложил освободить Хрущева от работы первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Пусть Н. С. Хрущев, сказал Брежнев, учитывая все обстоятельства, в интересах дела, лично попросит пленум ЦК освободить его от своих обязанностей.

После этого слово было предоставлено Хрущеву. В своем выступлении он сказал: «Все свои силы в работе я отдавал партии. Я не ожидал такой критики. В 1957 году, когда мы вместе боролись с антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича, я твердо знал, что они выступали против политики партии, пытались свернуть ее с ленинского пути. Я хорошо усвоил мысль Сталина, что если при проведении линии партии есть два мнения, то одно из них должно быть убито. Но сейчас передо мной сидят мои товарищи (Г. И. Воронов с места крикнул: "У вас нет здесь товарищей!"), со многими мы долго вместе трудились, вместе воевали в Великую Отечественную. Поэтому я не могу бороться против вас. Я старался все делать так, чтобы было лучше партии, лучше народу!» Обращаясь к Брежневу и другим членам Президиума, Хрущев сказал: «Многие принципиальные вопросы мы решали вместе со всеми членами Президиума. Почему же сейчас вы всю ответственность перекладываете только на меня одного? Считаю это несправедливым. Но если вы считаете, что я должен уйти, по-

жалуйста, я подчинюсь вашему требованию. Напишите решение так, как считаете нужным. Я подпишусь под этим решением».

После выступления Хрущева было решено, что на пленуме ЦК от имени Президиума ЦК выступит М. А. Суслов.

В тот же день, 14 октября, через два часа после завершения заседания президиума в Свердловском зале Кремля состоялся пленум ЦК. Я как член ЦК участвовал в этом пленуме. Суслов на пленуме не делал какого-либо доклада. Он лишь сообщил, что на заседании Президиума ЦК рассмотрен вопрос о работе Н. С. Хрущева и о его ошибках. Суслов зачитал постановление Президиума ЦК КПСС. Никто не выступил на этом пленуме ни за, ни против Хрущева. Ничего не сказал и сам Хрущев, который сидел за столом президиума и молча выслушал все, что о нем говорилось в постановлении. Члены ЦК КПСС решение Президиума ЦК поддержали единогласно. С общей оценкой деятельности Хрущева, я как член ЦК согласился и проголосовал за принятие этого решения.

Как бы бравируя смелостью, проявленной в осуждении живого лидера страны, Л. И. Брежnev бросил из президиума в зал реплику: мол, наши сегодняшние действия и решения — это не то что раскритиковать мертвого Сталина за кульп личности.

Так закончилась эпопея, которую называли «славным десятилетием», когда партией и правительством страны руководил Н. С. Хрущев.

Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС, хотя на нем не была развернута полная характеристика положения в партии и в стране, занял заметное место в нашей истории. В газетах было опубликовано короткое постановление пленума, в котором отмечалось, что Н. С. Хрущев освобождается от занимаемых постов в партии и правительстве в связи с преклонным возрастом и состоянием здоровья. На пленуме Л. И. Брежнев был избран первым секретарем ЦК КПСС, А. Н. Косыгин рекомендован на пост Председателя Совета Министров СССР.

Всякого рода «аналитики» и «кремленологи» окрестили освобождение Хрущева от должностей, которые он занимал, дворцовым переворотом. Но это в корне противоречит истине. Перевороты совершают с применением военной силы. В данном случае Н. С. Хрущев был освобожден от должности на Пленуме, где он и сам сидел за столом Президиума, путем голосования. Никто при этом не палил из полевых орудий по Кремлю, как это сделал Ельцин, по законно избранному высшему законодательному органу власти РФ.

И вообще утверждения о «дворцовых интригах» и «переворотах» в КПСС — это тухлые утки. В нашей партии строгая дис-

циплина сочеталась с принципами демократии, и это находило свое выражение в острых и принципиальных решениях, которые принимали невзирая на высокое положение тех или иных деятелей. Эти решения вызревали в партийных организациях, они поддерживались большинством коммунистов и трудящихся. В этом состоит глубокий смысл ленинского принципа демократического централизма. Лица, недостойные доверия или не оправдавшие его, выводились из руководящего штаба, а «сановники», допустившие отход от линии партии или скомпрометировавшие себя, исключались из ее рядов. Это относится как к ЦК, так и к обкомам, райкомам и первичным партийным организациям.

Сейчас, по истечении длительного времени после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК, ко мне часто обращаются с просьбой рассказать о моих личных встречах с Н. С. Хрущевым, о моем отношении к нему как к руководителю страны и просто человеку.

В моей памяти Никита Сергеевич Хрущев запечатился как крупный государственный деятель. Став первым секретарем ЦК партии, позднее Председателем Совета Министров СССР, Хрущев уделял особое внимание вопросам развития сельского хозяйства, сознавая, что именно оно во многом определяет уровень благосостояния народа.

Впервые после Великой Отечественной войны по его инициативе пленум ЦК в сентябре 1953 года рассмотрел состояние сельского хозяйства страны, определил меры по укреплению его материально-технической базы. Именно с этого времени началось техническое перевооружение колхозов и совхозов.

В решении пленума были определены конкретные меры для повышения уровня жизни колхозников и рабочих совхозов. Был отменен натуральный налог. Своевременно стали выдавать дополнительную плату за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка, повышение продуктивности скота. Колхозники с оплаты труда натурой были переведены на денежную оплату.

В те годы в связи с отменой карточной системы и быстрым ростом городского населения увеличился спрос на продукты питания. В стране ощущалась нехватка продовольственного и фуражного зерна. Надо было безотлагательно решить эту проблему. Вопреки упорному сопротивлению членов Президиума ЦК из бывшего сталинского окружения Хрущев добился разработки, принятия и осуществления грандиозной программы освоения целинных и залежных земель на востоке РСФСР и в Казахстане. Как ни ругали целину, ее освоение было экономически обоснованным делом.

В эти же годы по инициативе Хрущева были проведены работы по мелиорированию тысяч гектаров земли в Голодной степи

в Узбекистане и Казахстане, был построен Кара-Кумский канал в Туркменистане.

Тогда же страна освободилась от необходимости завоза хлопковолокна по импорту. Мы стали лучше одеваться.

Значительную роль в укреплении кормовой базы животноводства, повышении продуктивности скота сыграла кукуруза, внедренная на наши поля по инициативе Н. С. Хрущева.

Много полезного было сделано Хрущевым не только в аграрном секторе, но и в других отраслях народного хозяйства.

По его инициативе провели коренную реконструкцию строительной индустрии страны. Создание заводов железобетонных изделий позволило ускорить сооружение промышленных предприятий, жилых домов, школ, больниц и учреждений культуры. Сейчас некоторые недовольны тем, что дома-пятиэтажки строились с минимальными удобствами. Их пренебрежительно называют «хрущобами». Но благодаря ускоренному строительству этих «хрущоб» стране удалось за сравнительно короткий срок переселить миллионы семей из бараков и подвальных помещений в приличные квартиры. И многие в те годы были благодарны Хрущеву за такое решение жилищной проблемы.

Вопреки категорическим утверждениям Л. М. Кагановича, который в те годы, будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР, руководил железнодорожным транспортом, Хрущев добился перевода движения с паровозной на тепловозно-электровозную тягу. Каганович свои возражения мотивировал тем, что в условиях возможной войны противник уничтожит электростанции, нефтяные промыслы, мы останемся без электроэнергии для электровозов и без горючего для тепловозов. Хотя войной в равной степени могли быть разрушены и угольные шахты. Постановка этого вопроса Хрущевым была правильной и своевременной, так как потребности страны в перевозках значительно превышали возможности паровозного транспорта.

При Хрущеве было начато освоение космоса. Первым в космос полетел наш соотечественник, и это стало эпохальным событием в истории человечества. Миллионы людей, узнав о полете Ю. Гагарина, высыпали на улицы. Страна ликовала, как ранее в День Победы над фашистской Германией. Разве это можно забыть?

Тогда было осуществлено перевооружение армии и флота, оснащение их новой и новейшей боевой техникой. Укрепление нашей оборонной мощи дало возможность создать паритет СССР в военном противостоянии с США, тем самым были созданы условия для длительного мирного сосуществования двух систем — капитализма и социализма.

Не отрицая положительных сторон деятельности Хрущева, нельзя обойти молчанием его ошибки, прежде всего — ошибку, которая нанесла непоправимый вред интересам мирового коммунистического и рабочего движения, интересам социалистического строительства в нашей стране и в странах, последовавших по нашему пути.

14—25 февраля 1956 года в Москве состоялся XX съезд КПСС. Я принял участие в работе этого съезда как делегат от Башкирской парторганизации. С отчетным докладом ЦК на съезде выступил Н. С. Хрущев. При обсуждении отчетного доклада наряду с другими делегатами выступили почти все члены Президиума ЦК, в том числе и В. М. Молотов, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. А. Суслов. Впервые из их уст я услышал о необходимости борьбы с культом личности. Как и многие другие делегаты, я тогда обратил внимание на то, что члены Президиума ЦК, поддерживая положения отчетного доклада ЦК, неожиданно заговорили о культе личности обезличенно, в общей форме, неясно.

Суть дела выяснилась на заключительном, закрытом, заседании съезда, на котором Н. С. Хрущев выступил с докладом о культе личности И. В. Сталина и о путях преодоления его последствий. Все присутствующие на съезде были подавлены услышанным. Трудно это воспринималось. Ведь абсолютное большинство советских людей верило [в Сталина], за которым более 30 лет после смерти Ленина шли партия и народ. В нем видели вождя и учителя, а Хрущев представил его злодеем, отменным мастером лицемерия и демагогии.

До XX съезда КПСС, кроме ближайшего окружения Сталина, мало кто имел представление о масштабах тех беззаконий и преступных действий, которые были допущены при нем. Теперь все открылось, но доклад Хрущева страдал однобокостью, был повернут в сторону разоблачительства и не содержал всесторонней оценки деятельности И. В. Сталина за 30-летний период его руководства страной.

В колossalной по своему объему и крайне трудной деятельности, в решении сложнейших задач внутреннего развития страны, в проведении международной политики Сталин как живой человек, конечно, допускал ошибки. Но при этом нельзя отнять у него его неуклонного стремления к достижению наилучших результатов в строительстве социализма. Партия и советский народ знали, что Сталин работал с полной самоотдачей, не жалел себя и был требовательным к другим.

При честном партийном отношении к этому вопросу требовалось, на мой взгляд, говорить не только о репрессиях, допущенных

в период работы Сталина, но и об участии в преступных действиях его ближайшего окружения, в том числе и самого докладчика Хрущева.

На съезде я сидел рядом с членом ЦК, директором Московского автомобильного завода им. Сталина Иваном Лихачевым. Во время перерыва, когда мы с ним прогуливались в Георгиевском зале Кремля, он заговорил о том, что в репрессиях виноват не только Сталин, виноваты и они — его сегодняшние разоблачители.

— Когда в 1948 году в стране развернулась борьба с космополитизмом, — доверительно говорил он мне, — у меня на заводе арестовали более сорока инженерно-технических работников. Тяжело стало работать без них. Я тогда почти ко всем членам Политбюро обратился, просил помочь мне вернуть моих людей на завод. Никто не помог. Я вынужден был обратиться через А. Н. Поскребышева, попросился на прием к Сталину. Я рассказал ему, что НКВД посадил многих специалистов завода в тюрьму, причем, посадил необоснованно, по наветам. Сталин при мне позвонил Берии, отругал его, велел срочно разобраться в этом деле и невиновных работников немедленно освободить. Через день за исключением нескольких человек арестованных отпустили... А теперь, как видишь, все хотят свалить на Сталина, — закончил свой рассказ Лихачев.

В докладе Хрущева игнорировались положительные факты, говорящие о созидательной деятельности Сталина. Для большего, так сказать, эффекта, с целью «украсить» доклад, унизить человека, который был Верховным главнокомандующим Красной Армии, председателем Государственного комитета обороны, Хрущев утверждал, что Сталин, якобы, руководил военными действиями во время Великой Отечественной войны... «по глобусу»⁸. Это на брасывало тень на маршалов Советского Союза, руководителей Генштаба, которые вместе с ним разрабатывали военные операции и привели нашу страну к победе над врагом.

Измышления о руководстве «по глобусу» решительно отвергнуты выдающимися советскими полководцами, непосредственно работавшими со Сталиным в годы войны. Этой выдумкой Хрущев пытался зачеркнуть действительные заслуги Сталина. Но можно ли перечеркнуть напряженный труд, энергию, волю, ум, проявившиеся в реальных успехах страны, в достижении Советским Союзом огромного авторитета в мире, в разгроме фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Допустимо ли издевательски относиться к величайшему процессу индустриализации страны? Кое-кто недооценивает этот процесс. Но не будь его, не будь индустриальной мощи советского

государства, страна оказалась бы безоружной и бессильной перед лицом вражеской агрессии. Недопустимо сбрасывать со счетов и неимоверные усилия по быстрому восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, городов и сел, всего уклада жизни советских людей.

Я далек от мысли оправдывать Сталина во всем. Но историю невозможно переписать. Невозможно отрицать нарушения законности, массовые репрессии, которые были допущены в годы сталинского руководства. Но нелепо представлять дело так, как это сделал Хрущев в докладе на XX съезде КПСС, — будто Сталин только тем и занимался, что карал и уничтожал неугодных. Сталин был революционером и действовал жестко и решительно, когда этого требовала обстановка, борясь за советскую власть, за социализм.

Невозможно абстрагироваться от той исторической обстановки, в которой работал Сталин, когда советская страна подвергалась непрерывным атакам контрреволюции, начиная с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции и до нападения на СССР гитлеровской Германии.

Встает вопрос, правильно ли поступило высшее руководство КПСС в отношении культа личности Сталина? Я считаю — нет.

Перед тем, как выйти на XX съезде с этим вопросом, Президиум ЦК должен был провести критический разбор всей жизни и деятельности Сталина и самой нашей партии в первичных партийных организациях, на заводах и фабриках, в армии, в учреждениях науки, в городах и селах.

Президиум ЦК обязан был обратиться к партийным организациям и трудовым коллективам с обстоятельным политическим документом.

Этот документ или письмо, обращенное ко всем коммунистам и трудящимся страны, необходимо было обсудить на местах, провести собрания, конференции, научные семинары и т. д.

Члены Президиума, которые прежде составляли ближайшее окружение Сталина, должны были пойти к коммунистам, к народу, в наиболее крупные организации, на предприятия и там честно и правдиво рассказать об ошибках и преступлениях периода культа личности.

Самые близкие соратники Сталина — Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Хрущев и другие — обязаны были сказать о своей вине, взять и на себя ответственность за трагические явления, допущенные в годы культа личности Сталина. Им представлялась возможность объяснить партии и народу мотивы своего поведения. Вместо этого ради спасения своей шкуры они решили свалить все на одного человека.

Разоблачение Сталина на XX съезде было встречено в партии и в стране, в коммунистических и рабочих партиях мира с большим волнением и тревогой. Многим было непонятно, кому это выгодно. Ведь все то, о чем было сказано в докладе Хрущева на съезде, лило воду на мельницу врагов социализма, было воспринято мировой буржуазией, империалистами с восторгом.

В годы, когда страной руководил Сталин, вопрос стоял так: «Или-или. Либо страна пройдет быстро путь в своем развитии и достаточно окрепнет экономически и политически, либо нас сомнут». Исходя из этого Сталин действовал в интересах государства.

О человеке судят по его главным делам, а не только по ошибкам, допущенным в сложных и острых ситуациях.

Сталин — это часть нашей истории, истории строительства социализма, борьбы за укрепление могущества и авторитета СССР, в том числе и России. И это невозможно ни утаить, ни вытравить из живой памяти.

Поэтому я считаю, что останавливаться на характеристике Сталина, основываясь лишь на докладе Н. С. Хрущева на XX съезде, нельзя.

Вина Хрущева состоит в том, что перед тем, как выступить с сенсационным докладом на закрытом заседании XX съезда КПСС, он не посчитал нужным посоветоваться с руководителями зарубежных коммунистических партий. В результате компартии многих стран восприняли решения XX съезда КПСС болезненно, а некоторые из них открыто выразили решительное несогласие с подходом Хрущева к оценке личности и деятельности Сталина. Такая позиция братских партий была вполне объяснима и понятна. На деле докладом Хрущева был нанесен удар по единству международного коммунистического и рабочего движения, была вызвана сумятица и дезорганизация в этом движении.

Полное неприятие в коммунистических и рабочих партиях многих стран мира вызвало то, что вся деятельность КПСС и советского государства в период сталинского руководства, меры по защите интересов советской страны от злобных нападок внешних и внутренних врагов в докладе Хрущева были представлены огульно. Доклад попал в западную прессу раньше, чем в нашу страну⁹, и поставил братские партии в тяжелое положение перед лицом своих народов, поколебал веру людей в идеи коммунизма, в благородство целей Великой Октябрьской социалистической революции, в дело великого Ленина.

Можно предположить, что Хрущев попытался завоевать, опираясь на авторитет съезда КПСС, популярность и признание коммунистических и рабочих партий зарубежных стран. Он думал,

очевидно, что его воспримут как достойного продолжателя дела Ленина. Но в этом он жестоко просчитался.

Зарубежные буржуазные идеологи вместе с некоторыми нашими доморощенными деятелями литературы и искусства, а также недобитыми власовцами, бандеровцами, буржуазными националистами, нашими перевертышами во главе с Горбачевым подняли на щит хрущевские нападки на Сталина, окрестили развернувшуюся в нашей стране антикоммунистическую, антисоветскую истерию продолжением хрущевской «оттепели». В русле разработанной спецслужбами Запада стратегии всякие диссиденты и контрреволюционеры стали добиваться какой-то безбрежной демократии и свободы. Отказавшись от идеологии марксизма-ленинизма, идя на поводу у ярых ненавистников нашего государства, которые мягко стелили да, как видим теперь, хотели, чтобы нам жестко было спать, Горбачев и Ельцин развалили социалистический лагерь, разрушили Советский Союз, за каких-нибудь 10–15 лет могущественную нашу державу превратили в нищенскую, второстепенную, живущую на подачки Запада страну.

Совершая свой необдуманный шаг на XX съезде, Хрущев, наверное, не предполагал, что «продолжатели» линии его «оттепели» доведут страну до такого позорного состояния.

При всех своих ошибках Хрущев не был разрушителем, многое сделал для укрепления экономического могущества нашего государства.

Никита Сергеевич был требователен, строг, а иногда крайне крут и нетерпим к оппонентам. В то же время он был отходчив. Такое мнение о нем у меня сложилось после многочисленных встреч с ним.

Некоторые товарищи обвиняли его в том, что он понуждал местных руководителей расширять посевы кукурузы, успели даже окрестить его «кукурузником». Но что прикажете делать, если люди все новое встречают недоверчиво?

Помню, в 1955 году на пленуме ЦК обсуждался вопрос о кукурузе. Я тоже был участником этого пленума. С. Д. Игнатьев, тогдашний первый секретарь нашего обкома партии, в своем выступлении сказал, что Башкирия посевы кукурузы будет размещать на площади 500 тыс. гектаров. Мы это обещание выполнили. И нам, конечно, пришлось нажимать, понуждать.

Тогда у нас еще никакой техники для возделывания этой культуры не было. Посев проводили вручную, так называемыми «ножными сажалками». Для своевременной обработки междурядий посевов культиваторов было мало, посевы кукурузы заросли сорняками. Урожай собирали, как говорится, аховый. Выход

зеленой массы с гектара посева в среднем по республике составил лишь около 50 центнеров. Результаты первых лет возделывания кукурузы на больших площадях вызвали во многих хозяйствах отрицательное отношение к ней.

После отъезда Игнатьева на работу в Татарию, готовясь к предстоящему в 1958 году весеннему севу, я пригласил министра сельского хозяйства А. П. Веретенникова, его специалистов, работников научно-исследовательского института сельского хозяйства, ректора учебного сельскохозяйственного института и ведущих его профессоров для обмена мнениями о том, как нам быть с возделыванием кукурузы. Договорились о том, что под руководством Веретенникова группа агрономов и специалистов НИИ определит, где и на каких площадях будем размещать посевы кукурузы весной этого года. Через месяц министр обязался внести свои предложения в областной комитет партии. Группу агрономов направили в Кировоградскую область Украины для изучения опыта возделывания кукурузы. Тогда мы с этой областью соревновались.

В результате обобщения опыта работы своих хозяйств и кукурузоводов Кировоградской области, с учетом почвенно-климатических особенностей зон республики, министр внес в обком партии предложение возделывать кукурузу на площади не более чем на 250 тыс. гектаров. С этим предложением я поехал в Москву в ЦК КПСС, побывал у Хрущева. Я не был уверен, что он поддержит наше намерение сократить площади под кукурузой наполовину. К моему удивлению, выслушав меня, он принял наше предложение:

— Вам там на месте виднее... Когда научитесь как следует возделывать, может, и будете увеличивать площади под кукурузой. Сейчас не гектар важен, нужно повышать урожайность. Надо учить людей тому, как лучше возделывать эту культуру.

Тогда же я услышал от него вот что:

— Товарищ Нуриев, хотя я в Башкирии еще не бывал, но по рассказам украинских товарищей, которые в годы войны у вас жили и работали, знаю, что Башкирия — край с богатыми, как на Украине, черноземами. У вас кукуруза будет расти, я в этом не сомневаюсь. Кукуруза — мощная культура, но она требует очень высокой агротехники, она на «тят-ляп» расти не будет. Я это знаю по Украине.

— Наши агрономы уже побывали в Кировоградской области Украины, изучали опыт работы по возделыванию этой культуры, — сообщил я. — Товарища Мартынова, первого секретаря обкома партии, я просил прислать к нам с группой агрономов А. В. Гиталова¹⁰, бригадира тракторной бригады кукурузоводов для проведения семинара с нашими агрономами.

Хрущев сказал, что он Гиталова знает хорошо.

— Очень толковый бригадир. Я у него на полях бывал, он всегда выращивает богатые урожаи. Вы правильно поступили, пригласив его к себе в республику... Осенью после уборки проинформируйте меня, как сложится дело с урожайностью кукурузы.

Осенью 1958 года мы доложили в сельскохозяйственный отдел ЦК, что с каждого гектара посевов получили по 200 с лишним центнеров зеленої массы кукурузы. Через некоторое время Хрущев позвонил мне по ВЧ и сказал, что это, конечно, не рекорд, но уже не 50 центнеров, как было раньше. Пожелав достижения новых успехов в развитии сельского хозяйства, Хрущев попросил поздравить селян республик от его имени с первыми успехами в возделывании кукурузы.

Запомнился мне и такой эпизод — мое, так сказать, столкновение с ним, которое произошло на пленуме ЦК в августе 1957 года¹¹. Я тогда только начал работать первым секретарем обкома партии и не готовился к выступлению на этом пленуме. Во время перерыва после первого заседания секретарь ЦК Ф. Р. Козлов подошел ко мне и спросил, почему от меня нет записки с просьбой предоставить слово для выступления.

— Фрол Романович, — ответил я, — мне, наверное, еще рано выступать, хочу послушать, как выступают опытные секретари.

— Почему рано? Ты представляешь крупную партийную организацию, да еще обсуждается вопрос о кукурузе! — сказал Козлов и шутливо добавил: — Тебя могут заподозрить в антикукурузных настроениях, давай записывайся.

После разговора с Козловым я подал записку в президиум с просьбой предоставить мне слово для выступления в прениях. Ночью в гостинице подготовил текст выступления. Утром до начала заседания пленума пришел в Кремль и отдал текст в машбюро для перепечатки. Утреннее заседание открыл Козлов. Слово для выступления он предоставил министру совхозов Т. Юркину и объявил, что следующим выступит Нуриев. Я пошел в машбюро за своим текстом, но, к сожалению, он еще не полностью был перепечатан. Забрав перепечатанную часть и рукопись, я вернулся в зал заседания. Посмотрел — две страницы рукописи остались у машинисток. На этих страницах речь шла о сортах кукурузы. Снова идти в машбюро у меня не было времени. После Юркина поднялся на трибуну, стал выступать. Выступление шло нормально, зал слушал внимательно. Но когда я дошел до сортов кукурузы, которые просил завезти к нам в Башкирию, днепропетровский сорт, выведенный Марком Озерным, ошибочно назвал харьковским. Хрущев перебил меня:

— Товарищ Нуриев, сорт, который вывел Марк Озерный, называется днепропетровским, а не харьковским.

Обернувшись в сторону президиума, я сказал:

— Никита Сергеевич, в сортах кукурузы я пока разбираюсь не шибко, но в сортах тех культур, которые у нас издревле возделываются, — пшеницы, ржи, овса, гречихи, — разбираюсь, можно сказать, хорошо.

На этом наш обмен репликами закончился.

Во время очередного перерыва ко мне подошел М. А. Суслов, тогда члены Президиума во время перерывов общались с членами ЦК, участниками пленумов, и спросил:

— Почему ходишь хмурый?

— Михаил Андреевич, — говорю ему, — хожу хмурый потому, что запутался в сортах кукурузы. Мне неудобно перед товарищами.

Суслов посмеялся и говорит:

— Не обижайся, такое может случиться с кем угодно.

В те годы иногда пленумы ЦК сочетались с сессиями Верховного Совета СССР. После пленума ЦК, на следующий день, открылась очередная сессия Верховного Совета. Я как член Президиума Верховного Совета СССР сидел наверху, за столом президиума. Ко мне подошел молодой человек, который обслуживал президиум, передал записку: Н. С. Хрущев просит меня прийти в обеденный перерыв к нему на Старую площадь.

Во время большого обеденного перерыва я пошел в здание ЦК КПСС, поднялся на пятый этаж. Секретарь доложил Хрущеву о моем приходе, он тут же принял меня. Когда я зашел в кабинет, он подошел ко мне, пожал руку, потом, положив руку на мое плечо, сказал:

— Стало известно, что вы на мою вчерашнюю реплику сильно обиделись. Правильно это?

Я ответил, что действительно был несколько огорчен. Хрущев мне говорит:

— Не нужно обижаться, не боги горшки обжигают: повозитесь — научитесь, будете хорошо разбираться и в сортах кукурузы, как в сортах других культур. Откровенно говоря, не только вы, но и многие другие товарищи еще плохо разбираются в сортах этой культуры, а главное — плохо знают агротехнику ее возделывания. Я и сам до Украины тоже ничего не знал о кукурузе. Сейчас я в ней разбираюсь уже неплохо.

Потом Хрущев заговорил о богатейших возможностях этой культуры, о том, что американцы, благодаря кукурузе, стали мировой зерновой державой, урожай пшеницы, овса у них такие же, как у нас, но кукурузного зерна они снимают с каждого гектара по 40–50 центнеров.

— Без кукурузы, — продолжал он, — нам будет трудно создать прочную кормовую базу для нашего животноводства. Я верю, что вы научитесь выращивать богатые урожаи кукурузы.

Выйдя из-за стола, он проводил меня до дверей, и мы тепло попрощались. Я сразу понял, что мое отношение к реплике Хрущева до него довел Суслов.

Стремление Хрущева путем широкого внедрения в наше сельское хозяйство кукурузы создать мощную кормовую базу для животноводства в стране сперва воспринималось скептически. Как показала потом практика, это стремление было правильным. Но как водится у нас, и в этом деле нашлись сверхэнтузиасты. Помню, как на одном из пленумов ЦК первый секретарь Якутского обкома партии Борисов во время своего выступления вытащил из кармана кукурузные початки и показал членам президиума: вот, мол, мы научились в Якутии выращивать кукурузу на зерно. Известно, что в одном небольшом районе якуты издревле выращивали такие теплолюбивые культуры, как дыня и арбуз. Наверное, показанные на пленуме початки тоже были выращены именно в этом теплом уголке республики. Но в целом для Якутии кукуруза была чистой экзотикой.

Таких сверхэнтузиастов, к сожалению, в стране тогда было немало. Чрезмерным своим усердием они только дискредитировали хрущевскую идею.

Несмотря на всякого рода насмешки и скептические разговоры, кукуруза в наше сельское хозяйство внедрилась в широких масштабах. Она и сейчас во многих регионах страны считается основной фуражной культурой и выращивается на больших площадях.

Н. С. Хрущев, конечно, не был ангелом, он иногда становился очень сердитым. Я это испытал на себе на пленуме ЦК в 1961 году. На том пленуме обсуждался вопрос, связанный с необходимостью усиления борьбы с Мао Цзедуном¹². После XX съезда КПСС компартия Китая объявила нашу партию ревизионистской, повела идеологическую борьбу против нас. В своей критике КПСС китайская компартия особый упор делала на том, что И. В. Сталин принадлежал не только КПСС, СССР, России, а был вождем народов всего мира, непримиримым борцом против империализма, за торжество идей Ленина, признанным лидером всего международного коммунистического и рабочего движения. Хрущев утверждал: если бы КПСС сама не подвергла критике культ личности Сталина и связанные с ним беззакония, то все равно они выявились бы в силу объективности исторического процесса, и тогда возникли бы еще большие трудности в деятельности коммунистических и рабочих партий. КПК полностью отвергла доводы Хрущева.

В условиях развернувшейся критики нашей партии со стороны китайцев и был созван этот пленум ЦК КПСС. В нем кроме членов ЦК КПСС участвовали секретари ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС по идеологической работе. На пленум были приглашены также многие известные писатели, редакторы центральных газет и журналов.

После доклада Хрущева начались прения. На вечернем заседании председательствующий — председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный слово для выступления предоставил секретарю ЦК компартии Украины по идеологической работе Скабе.

— За ним, — объявил Подгорный, — выступит товарищ Михалков.

Скаба говорил монотонно, глотая слова. Зал слушал его плохо, многие сидящие в зале разговаривали между собой. Сергей Михалков, перебираясь ближе к трибуне, сел позади меня, я пожелал ему «ни пуха, ни пера». Поблагодарив меня, он пересел еще ближе к трибуне.

На пленумах ЦК мы с Ефимом Чернышевым, моим другом, первым секретарем Приморского крайкома партии, всегда сидели вместе. Его сосед, первый секретарь Калининского обкома партии Корытков, дал ему посмотреть книжку Михалкова, которая во время дневного перерыва продавалась в киоске. Чернышев, ткнув в раскрытую страницу, передал книжку мне:

— На, почитай, о чем пишет детский писатель.

Под заголовком «Приказ директора МТС» речь шла о том, что в деревне ходят разговоры, будто директор МТС гуляет со своей секретаршой Анной, а потому директор издал приказ: в целях прекращения этих разговоров, после подыскания новой секретарши, секретаршу Анну с работы снять. Я Чернышеву говорю:

— Скоро ли он найдет новую секретаршу?

— Срок не указан, наверное, не скоро, — ответил он, и мы засмеялись.

Пленум проходил в зале Большого кремлевского дворца. Участников было много, зал полностью был заполнен. Ораторов слушали невнимательно. Председательствующий не раз обращался к залу с просьбой соблюдать тишину. Мы с Чернышевым сидели в 15 ряду, тем не менее Хрущев заметил, что мы смеемся, поднялся из-за стола президиума и, показывая рукой на нас, сердито сказал:

— Вот посмотрите, не слушая выступающего, два друга — Нуриев и Чернышев — ведут себя очень весело. Давайте попросим их рассказать пленуму, о чем у них там такой веселый разговор!

Зал притих, все смотрели на нас в ожидании какого-то крупного скандала.

После выступления Михалкова председательствующий объявил перерыв в работе пленума до 10 часов утра следующего дня и сообщил, что завтра на утреннем заседании первым выступлю я.

Когда мы вышли из зала заседаний, мимо проходил Н. В. Подгорный. Он подозревал нас и спросил, о чем это мы вели веселый разговор. Я дал ему книжку Михалкова, и, показав то место, где был напечатан «Приказ директора МТС», объяснил, над чем мы смеялись. Подгорный попросил отдать ему книжку до утра, но еще за ужином, как я потом узнал, прочитал «Приказ» членам Президиума ЦК. Все, в том числе и Хрущев, от души посмеялись. Отсмеявшись, Подгорный сказал: «Эти два друга, Нуриев и Чернышев, вот об этом «Приказе» и вели разговор». «Если так, то не за что их ругать», — сказал Хрущев.

Утром, когда я шел к трибуне для выступления, Хрущев встал и говорит, обращаясь к залу:

— Оказывается, вчера мы неправильно упрекнули Нуриева и Чернышева, не они были виноваты, виноват был Михалков.

Рассмеявшись, он махнул мне рукой, давай, мол, выступай. Этим он снял напряжение и в моей душе, и в зале. Оказывается, вчера он нас сердито одернул, решив, что мы с Чернышевым не одобляем политику ЦК в отношении Китая. Узнав от Подгорного о предмете нашего веселья, он тут же успокоился. Об этом мне после пленума рассказал Подгорный.

Мою речь зал слушал внимательно. По окончании речи раздались аплодисменты. Товарищи мне потом сказали, что и Хрущев аплодировал. Бывая крутым и сердитым в отношениях с товарищами, он в то же время был отходчивым, сердечным человеком. Ко мне он относился с уважением, предложения, которые наш обком вносил в ЦК КПСС и правительство, всегда поддерживал. Лишь однажды он не поддержал нас.

Во время укрупнения совнархозов кто-то подкинул ему мысль отнести Башкирию к средневолжскому экономическому району. Возражая против этого, я написал письмо, в котором указал, что Башкирию нельзя отдельить от уральского экономического района, что она издревле всеми корнями связана с этим районом, географически занимает центральное место на Южном Урале. Отклонив мою просьбу, Президиум ЦК принял короткое решение: «Поручить тов. А. П. Кириленко разъяснить тов. Нуриеву — о невозможности удовлетворения его просьбы». Поручение было дано Кириленко потому, что тогда он был председателем бюро ЦК КПСС по РСФСР.

В решении не было указано, о какой просьбе идет речь. Кириленко, прочитав это решение, сказал смеясь:

— Зия Нуриевич, я вам разъясняю.

— О чём разъясняете?

— Просто разъясняю, ничего не разъясняя.

Из-за этого решения рабочие Башкирии потеряли 15 процентов уральской надбавки к зарплате. Лишь после отправки Хрущева на пенсию, Башкирия была возвращена в состав уральского экономического района. Вот и такие «зигзаги» бывали в нашей жизни. <...>

